

Глава 7. ВЛАДИК

Детство тянется медленно, но пролетает очень быстро. И потом уже, с немыслимой высоты лет, события тех детских годов начинают иногда путаться: что было тогда, а что позже? Но даже с этими небольшими погрешностями можно легко перемещаться памятью во времени - с "полянки", где догорает дубовый "Гитлер", на троллейбусную остановку, мимо которой как раз пролетает кортеж с Юрием Гагариным, а оттуда в сопровождении Владика - к зимнему кокинскому озеру, где первый черный прозрачный ледок "целуют" снизу молодые, неопытные пескари, не способные пока еще понять куда это вдруг подевался весь, такой сладкий, кислород наверху, которого вчера еще было полным-полно.

Это очень хорошо, если у младшего школьника имеется старший товарищ, опекун и наставник по уличной жизни. Главное, чтобы этот наставник не учил младшего друга всяким гадостям. Но такой положительный опекун – большая редкость. Добрые, в меру упитанные Карлссоны приходят крайне редко и далеко не к каждому ребенку.

У ребенка короткие ноги

Мне повезло. У меня в первом классе такой собственный Карлссон, такой настоящий опекун был, и он не улетел однажды с окончанием моего детства, а остался моим драгоценным другом на всю оставшуюся жизнь. Звали его Владик. В отличие от сказочного Карлссона, который жил неведомо где и прилетал неизвестно откуда, Владик жил у меня непосредственно за стенкой, и мы часто перестукивались с ним азбукой Морзе. Когда я слышал его глухое бухтение за стеной, я выстукивал ему «чего шумишь», и он отвечал «мать достает». Я стучал ему: «маму надо любить», и он молчал. Как же: он был уже восьмиклассником с мягким тополиным пухом на щеках, а в дальнейшем - студентом техникума, настоящим коренастым мужчиной, и разводить сопли, нежно воркуя про маму, было ему неположено. Владикову маму звали тетей Дусей, или Евдокией Васильевной, и более доброго и улыбчивого человека я потом в жизни не встречал.

Тетя Дуся и Владик – наши соседи по дому – носили замечательную фамилию Кокины. Почти все новички, попадавшие в Кокино, изумлялись:

«Кокины из Кокино? Они что – из местных крепостных, что ли? Или из бывших помещиков?». Нет, Кокины не были ни из крепостных, ни из помещиков. Это было почти случайное совпадение. "Почти" потому, что в Кокино они приехали с севера после войны, поддавшись уговорам Петра Рылько, тоскующего в эвакуации по Кокино и очарованного "кокинской" фамилией Евдокии Васильевны. За эту чудесную фамилию директор Рылько и перетащил тетю Дусю в Кокино преподавать в техникуме «зоотехнию» – так Владик называл предмет «Зоотехника». Впоследствии Владик, укрепив собой систему зоотехнической преемственности, и сам стал практикующим зоотехником, и компетентно и старательно трудился на этом поприще долгие годы, покуда не перешел работать водителем троллейбуса в город. «А ничего не изменилось, – объяснял он мне своим нерасторопным, рассудительным тоном, рассказывая о своей новой работе: – то баранов стриг, а теперь вот баранов вожу». И уточнял огорченно: «То сиденья порежут, то заблюют все. Но это ладно: тут зашьешь, там шлангом помоешь: утром обратно готов возить. Тонкорунные другой раз тоже ведь все ноги тебе обосрут, пока ты их стрижешь. Это называется издержками производства!», – наш Владик был стихийным философом от рождения, от люльки.

Как уже сказано было, когда я пошел в первый класс, Владик пошел в восьмой, для него последний, потому что он после восьмого класса поступил в техникум, на зоотехническое отделение. Таким образом, целый год наши с Владиком маршрутные пути в школу, до которой от нашего дома было полтора километра, совпадали. Более того: Владика поручено было сопровождать меня и следить, чтобы я не сбился с правильной дороги в самом широком смысле этого слова. Хотя по прошествии лет, ретроспективно, я сильно подозреваю, что в этом приказе тети Дуси содержалась большая хитрость: покрепче привязать к школьной дороге самого Владика с использованием меня – вот что ей требовалось. Как бы то ни было, мы отправлялись в школу вместе, и одной из первых наук, которые я почерпнул от Владика, была наука никогда и никуда не торопиться. По дороге в школу Владик учил меня созерцательности и наблюдательности с проникновением в глубокую суть вещей: почему червяки после дождя выползают из земли; почему кошки чешутся и умываются; почему пескари "целуют" лед снизу? До ответов на сотни подобных вопросов нужно было терпеливо докопаться методом неспешных рассуждений и железной

логики. На все это уходило время, так что на первый урок я по этой уважительной причине частенько опаздывал. Владик, как и велено было, передавал меня с рук на руки моей первой учительнице Валентине Терентьевне со степенными словами: «Вот, передаю Вам опять Гарика Шенфельда для получения им дальнейшего начального образования». И отправлялся с тяжелым вздохом в собственный класс. Мне было его жаль: ему горько было осознавать, наверное, что его собственное начальное образование уже позади и никогда больше не повторится. Иногда на упрек учительницы: «Не надо опаздывать. Выходите из дома пораньше», Владик резонно возражал: «У ребенка короткие ноги!». Это было мне обидно слышать. Ноги у меня были вполне нормальные. Лучше бы он про свои собственные ноги рассказал. Мои родители иногда вспоминали этот анекдот про маленького Владика и очень смеялись каждый раз. Как-то они встретили шестилетнего Владика, с трудом тащившего из магазина, постоянно сбиваясь с шага и спотыкаясь, большую авоську с хлебом. «Владик, тебе же тяжело!, – воскликнула мама, – давай я тебе помогу». Но упорный Владик категорически отверг помощь. Он сказал: «Нет, мне не тяжело, я очень сильный. Просто мне ноги мешают».

В любом случае вся школа знала, что у меня имеется старший товарищ, опекун и защитник, и возможно, благодаря именно этому обстоятельству ученик с такой странной для данной местности фамилией как моя избавлен был от лишнего фингала под глазом, разбитого носа или заброшенной на крышу фуражки. Один лишь единственный раз подобный инцидент произошел в школьном дворе, и автором его был пацаненок из моего класса, от которого в памяти осталось одно только имя: Кирюша Фащевский. Он закидал жидкой грязью с примесью конского навоза мою школьную форму. Случай этот произошел на большой перемене, и так получилось, что мой куратор и внешкольный воспитатель Владик, тайно кутивший в это время с другими старшеклассниками за углом уборной, был тому свидетелем. Вряд ли Владика мог сильно расстроить мой испачканный костюм – его, скорей, возмутила наглость нападавшего: зная, что у меня есть "крыша", как говорят сегодня, кто-то осмелился напасть на его крышуемого! Поэтому Владик вышел из-за угла, подошел к конфликтующим сторонам, то есть к нам с Кирюшей, и обратился к Фащевскому со следующей речью, медленной и внушительной:

– Мелкий микроб Кирилл Фащевский! Поди сюда, сученок. Покажи мне свои руки. Ты видишь: они в грязи. Как у свиньи. Теперь посмотри на мои руки. Они чистые. А вчера они были знаешь какие? Они были в крови. По самые локти. Потому что я. Кастрировал. Поросенка. Ты понял? Ты знаешь, мелкий микроб Фащевский, как страшно визжит поросенок? Когда ему отрезают яйца. Кастрируют. Ты слышал это? А кровь! Так и хлещет! На пологорода! У человека, который его режет, лопаются барабанные перепонки в ушах. А у поросенка! Рвутся! Голосовые связки в горле! А теперь иди, мелкий микроб Фащевский. На колонку. Помой руки. И помни, что я тебе сказал. Всю жизнь помни!...

Даже я, защищаемый, испытал ужас от той картины, которую нарисовал нам Владик с его окровавленным поросенком. А Фащевский, кажется, даже штаны намочил. С колонки, во всяком случае, он возвращался в мокрых. А от меня держался впредь на максимально возможном расстоянии. При этом были у него в дальнейшем всегда самые чистые руки в классе. Не бывало случая, чтобы дежурная санбригада у входа в класс отправила его домыывать руки после уборной. Более того: я часто видел лично, обернувшись, как Кирилл нюхает свои руки во время урока и даже дает их понюхать своей соседке по парте. А такое возможно только после мытья рук с земляничным мылом.

После того, как я перешел во второй класс, наши с Владиком школьные дорожки разошлись. Он стал студентом, натаскал полный чердак звериных черепов и скелетов и учил там зоологию. Тетя Дуся посылала меня иногда подняться по лестнице и понюхать, не курит ли Владик на чердаке. Я спускался вниз и врал ей, что на чердаке воняет только тухлыми скелетами. Я врал во имя святой дружбы, но при этом загибал оба мизинца за спиной, так что мое вранье было не в счет.

Еще через четыре года Владик закончил техникум, был призван в ряды Советской армии и отбыл на Дальний восток для прохождения срочной службы. Я, помнится, все никак не мог взять в толк, что это за служба срочная такая, и спросил Владика зачем он так срочно понадобился армии. Владик, подумав, ответил уклончиво: «На китайской границе. Сильно запахло жареным». Почему при этом советской армии срочно потребовались выставить против китайцев именно зоотехника Владика, призывник так и не объяснил. Видимо, это было

военной тайной, о которой Владик не имел права распространяться. Через полгода Владик в письме сообщил, что заправляет военные самолеты керосином, а несметную китайскую армию называл «пушечным мясом». Это слово «мясо» давало некоторый ключ к разгадке вызова Владика на китайскую границу (наука зоотехника, согласитесь, определённым образом с понятием «мясо» ассоциируется), но до большего мы на нашем военном совете так и не докопались, придя к заключению, что Владик продолжает сохранять строгую конспирацию в соответствии с железным правилом: «Болтун – находка для шпиона». И тянулись дальше дни, недели и месяцы. Владик служил, а мы выросли. К тому времени, когда он вернулся через три года, мы были уже почти взрослыми. Мы не носили больше бумажных офицерских погон на плечах и навсегда покинули «полянку». Блиндажи наши обрушились и заросли бурьяном. Да и сама «полянка» почти исчезла с лица земли под натиском новых приусадебных участков и двухэтажного детского садика по центру нашего старого, изрытого снарядами гуляй-поля. У нас появились новые интересы, новые проблемы и новые драмы. Взрослая жизнь пугающим и одновременно чарующим и манящим девятым валом стремительно надвигалась на нас, чтобы подхватить нас в свои водовороты, взметнуть на грозные, шипящие вершины или опустить в свои пучины и погубить. Все это было уже рядом. Но все еще сияло над нами солнце и солнечный ветер нес нас вперед.

Салют по Юсупчику

В один прекрасный декабрьский день, холодный, но солнечный, в Кокино прибыл с Дальнего востока демобилизованный бравый солдат, рядовой запаса Владислав Кокин в парадной форме, украшенной неуставными золотыми аксельбантами и с дембельским чемоданчиком в руке, в котором он привез, согласно новой солдатской традиции, дембельский же альбом с рисунками и фотографиями и еще что-то тяжеленькое, интригующе погромыхивающее в фибровом нутре чемодана.

Владик сильно изменился. В глазах его появился стальной блеск, в фигуре и характере – твердость, в одежде – порядок. Тетя Дуся не могла нарадоваться этим переменам. А мы, пацаны, благоговели, и даже я робел слегка первое время, разговаривая с Владиком, очень гордясь, однако, тем, что

это именно мой сосед и друг вернулся из армии. А то, что этот новый, мужественный Владик остался моим другом, он доказал тем, что на второй же день после возвращения дал мне примерить свою военную форму и разрешил даже пройтись в ней по поселку, поскольку она оказалась мне почти впору. Я заходил в ней к моим товарищам по «Бедному поселку» (тогда уже улице Цветочной) и повергал всех и каждого в нечленораздельный шок зависти и восхищения. И поскольку мы были уже шести-восьмиклассниками и соображали в вопросах этикета, то сочли необходимым пригласить Владика на встречу с его почитателями, для чего скинулись буфетной мелочью и купили бутылку «вермута» - для военного героя Владика, разумеется, а не для себя. Владик, узнав о наших планах, очень обрадовался вниманию и почету со стороны потенциальных будущих призывников и пригласил к себе домой всю нашу гвардию на вечер солдатских воспоминаний. Вот тогда мы и услышали от Владика несколько первых его историй о службе в армии и о суровых воинских буднях советского солдата. Этих историй Владик рассказал нам впоследствии множество, и становились они все красочней с течением времени, но именно те первые две я запомнил наиболее рельефно и близко к тексту. Нужно заметить, что медленную, былинную манеру речи Владика армия не испортила, а лишь обогатила ее жизненной силой, сюжетным драматизмом и своеобразной новой ритмикой, уходящей корнями в литературные традиции то ли греческой античности, то ли китайского ориента. В русской интерпретации этот стиль напоминал одновременно «Слово о полку Игореве» и стихи допушкинского поэта Тредиаковского. Вот как звучал, например, рассказ Владика о том, как он ловил во владивостокских сопках своего сбежавшего из армии товарища-дезертира:

«У нас солдат, Митяй, в Китай удрал.

В сторону реки подался, чтоб уплыть на лодке.

А нас в погоню за ним послали.

По машинам двиг-пих – и в сопки.

Сказали: «Стрелять на поражение!».

Ну, бегу я по тропке. «Хоть бы не нарваться», – думаю, к такой-то маме,

А вот и хрен тебе, Владик:

Как раз и нарвался по полной программе.

Бегу, смотрю вдруг: за камнем стоит Митяй, в меня целится.
Застрелить меня хочет вроде бы.
Я мимо него пробежал, сделал вид, что не заметил.
Зачем? Ведь это товарищ мой бывший! На одной «губе» сидели!
Жили в одной казарме, спали в одном проходе!
Даже головы не повернул я, даже виду не подал. Кивнул только слегка.
Слышу в спину: «Спасибо, Владь!».
И побежал я дальше. На фига мне, думаю
В своего парня стрелять, в своего же, русского парня, б..дь.
На всю жизнь потом тяжелое воспоминание останется,
И неприятный осадок в душе.
Другие двое из соседней стрелковой части его пристрелили потом, вечером.
Мудилы! По десять суток отпуска им дали
И по медали.
А мы с ребятами за упокой его души спирту тяпнули, чтоб никто не видел.
«Пусть будет тебе земля пухом, Митяй!»- сказали (звали его Димой),
Хотя ты и дезертир, конечно, но все равно человек был, улыбался,
Макарони любил по-флотски и яблочный компот,
Еще девушку одну любил, когда в самоволки сбегал с кухонного наряда.
Звали ее Сима.
(Но страшна она была, надо заметить, как жертва Хиросимы!),
А увольнительных ему капитан Шмулягин не давал.
Не взлюбил он его за что-то. «Живьем сгною! – кричал, – удавлю, сволочь!
В цистерне с керосином утоплю гада!, Пристрелю паразита!».
А у самого – пистолет на боку! Пospорь с ним, поди-ка.
От него-то Митяй наш и двинул к китайцам с последним приветом.
Хотел использовать свой единственный шанс на выживание пока лето
И спрятаться можно в сопках.
Такой вот получился драматический для советской армии пердухен шванц!
И нету человека. И солдата нету.
Но граница наша все равно на надежном замке, ребята!..».

А вот другая его история, эта уже повеселей сюжетом:

«Самолеты керосином мы заправляли.
А форсунки промывать полагалось спиртом.
Нашу часть генералы посещали часто.
Проверяли мы качество спирта. Спиртометром.
Чтоб не разбавлен был, а то капец ослику.
А спирту нам завозили другой раз больше, чем керосину.
Из-за генералов тех, чтоб на всех хватило и на опохмел осталось,
На всякий случай.
Утечка большая была по спирту. Солдаты тоже воровали.
Себе, конечно, но и офицерам своим тоже. Все по-справедливости.
А бочки были одни синие, а другие красные.
Которые новички, салаги, те все время цвета путали.
Да и не видно ночью цвета бочки, в кромешной темноте-то.
И заправили салабоны однажды по пьяне МИГа спиртом вместо керосина.
МИГ утром взлетел и два звуковых барьера пробил за десять секунд.
А потом в открытый космос вышел. Вот бы Гагарин удивился!
Три оборота вокруг космоса сделали Валера с Толиком и вернулись на базу.
Сели, конечно. А из кабины вылезти не могут. Потому что косые в жопу.
Паров надышались. Спиртовых. Прокладка на инжекторе пропускала, пары под шлемофон попадали. Вот какое дело.
Все, думают Валера с Толиком, трибунал теперь на месте и пердухен шванц из двух стволов за несанкционированный выход в космос без предупреждения.
С конфискацией имущества.
Но ничего, обошлось. Никто даже и не заметил нарушения графиков полета.
Потому что от тех же самых спиртовых паров при взлете самолета
Вся часть легла в лежку и так и лежала до десяти утра.
А пока проспались штабисты наши, то уже и сами летчики – Толик с Валерой – пробзделись кое-как.
Умылись «Шипром» погуще и стали навытяжку перед подполковником Хулитановым. Дальнейших приказов ждут, чтобы родине послужить на благо социализма.
А командир наш, подполковник Хулитанов, татарин, спрашивает:
«Как добились вы такого большого эффекта скорости и потолка высоты полета?».

«Так и так мы добились этого! Путем произвольного добавления спиртовых паров в горючую смесь работающего двигателя!».

«Молодцы! Орлы, вашу мать!» – и наградил подполковник Хулитанов Валеру с Толиком почетными грамотами от имени командования дальневосточного авиаполка.

А нас, заправщиков – на «губу». Пять суток просидели ни за что... А, ерунда!

Солдат спит – служба идет. День прошел – хер с ним, как говорят в армии.

Двор подмел – и обратно отдыхай, а уже обед. Но кормили хорошо.

Другой раз красную рыбу давали, как в обкоме партии.

С тех пор, как комиссия с генералами на горизонте появляется – Ага!

Бежим бегом МИГа спиртом заправлять. А то и целое звено сразу.

Это когда сообщат если, что не один генерал едет,

А с целой большой компанией проверяющих.

Чтоб на всех гостей спиртового выхлопа хватило...».

После воспоминаний об армейских буднях, ветеран-авиатор достал пачку фотографий дальневосточных девушек, в которых он был влюблен по мере службы и со скромным видом распределил их между нами. "Ого!", – восхитились мы, а побочный внук Сенечка (родной младший брат побочного внука Витеньки, которого забрали в курский интернат, где готовят подводных генералов, как объяснил нам Сенечка) спросил, указав на девушку китайской наружности: "Это Маузыдун?". – "Сам ты "мазы-бздун", – покатались мы со смеху, а Владик строго пояснил:

– «Её зовут Тина. Очень хорошая девушка. Её передал мне перед дембелем для поддержания преемственности солдатского внимания младший сержант Никитушков из шестой роты». – «Вот это даааа!», – потрясенно протянул Юрий Офицеров, и Владик поощрительно похлопал его по плечу: «Дай время, Юрий – у тебя их ещё больше будет». Почему – не пояснил, но нам, всем остальным, стало немного завидно. Может быть, из-за его фамилии Владик так сказал Юрику? Женщины ведь любят офицеров, говорят. А ещё больше – генералов. Но ни одного Генералова среди нас не было, так что Юрий Офицеров так и остался самым перспективным среди нас – будущих покорителей женских сердец.

– До сих пор мне пишут письма и шлют телеграммы, – сообщил нам Владик и перевел речь на свои награды и воинские отличия, свидетельствующие о его армейской доблести. Эти награды мы все, правда уже видели на его кителе и многократно ощупали. Среди них был значок отличника боевой и политической подготовки, а также медали, выданные за разные подвиги: за стрельбу по мишеням и за бег с полной выкладкой, например. Еще имелась у Владика тяжеленная медаль «За доблестную службу в рядах засчитников Отечества». Из-за слова «засчитников» я заподозрил, что медаль самодельная, выплавленная из свинца, но Владик сказал, что не нужно обращать внимания на ошибки, потому что в штабе сидят главным образом неграмотные идиоты, которые даже в неприличном слове из трех букв пишут в рапортах по четыре ошибки и больше. Это нас отвлекло от медали, и мы стали подбирать варианты слова из трех букв с четырьмя ошибками, что привнесло много хохота в наш дружный коллектив. И еще одну медаль из дюралюминия продемонстрировал нам Владик – эта оказалась и впрямь самодельной, ее разрешали делать дембелям из крыльев упавших истребителей. На медали имелась художественная гравировка: «За отличную заправку». На обратной стороне этой же медали выцарапано было гвоздем: «Помни Дальний Восток! Помни Лешу!» Леша – это был боевой товарищ Владика из Джамбула. Они с ним не раз, будучи в увольнении, сказал Владик, успешно отбивались от китайцев при отступлении с центрального базара города Спасск-Дальний. Владик погрустил пару секунд по Леше из Джамбула, после чего скромно сообщил нам, что грамот у него еще больше, чем медалей, но грамоту на грудь не повесишь, поэтому все они вклеены в «дембельском» альбоме. Альбом этот был и в самом деле очень хорош и содержал рисунки, вензеля цветными карандашами, стихи, переводные картинки с изображением советских истребителей, инструкции о правильном приветствии армейского знамени и старших по чину, а также о правильном ношении пилотки. Главным документом чемоданчика являлся, однако, приказ о демобилизации в двух копиях, вырезанный из газеты «Крылья Родины» и наклеенный на первой и на последней страницах альбома. В альбоме было много черно-белых фотографий. Там, на снимках, повсюду стояли и широко улыбались многочисленные, очень похожие друг на друга солдаты в замызганных гимнастерках. Некоторые, правда, с грозным выражением лиц посылали

потенциальных врагов страны через локоть к заокеанской матери. Владик знал каждого из них по имени и фамилии, и это без всяких лишних слов говорило о большом, сплоченном солдатском братстве дальневосточного военного округа.

Грамоты Владика оказались скучней фотографий. «За несение караульной службы», «За прилежание на политзанятиях», что-то еще в этом же роде. Мы листали альбом и смеялись, и Владик, в конце концов, забрал у нас альбом, чтобы святыня не мусолилась понапрасну, а нам пообещал взамен: «Вот погодите! Этот Новый Год будет в Кокино! Особенным!» При этом он таинственно улыбался и подмигнул каждому из нас по-отдельности. И мы поняли: Владик приготовил нам какой-то очень ценный сюрприз.

Мы в нетерпении ждали Нового года. Мы его и так всегда ждали из последних сил, но в тот раз – с двойным нетерпением. Владик что-то привез из армии – это понял каждый из нас. Но что? Пулемет? Или гранату? Побочный внук Сенечка предположил, что Владик привез с собой из армии самолет со спиртом вместо керосина, на котором он хочет нас всех прокатить по космосу, но все от Сенечки отмахнулись с его вечными глупостями.

Удивительный опыт детства: перед Новым годом время останавливается. Бесконечно медленно тянутся дни, и завтра все никак не наступает, а когда наступает все-таки, то стрелки ходиков на стене впору постоянно подталкивать пальцем в течение дня, чтобы они не тормозили. Почти у каждого из нас на отрывном календаре давно уже значилось тридцатое, или даже тридцать первое декабря, тогда как на самом деле все еще было двадцать пятое или двадцать шестое. Недавно я видел телепередачу об искажениях пространства и о замедлении времени. Могу подтвердить на личном опыте: замедление времени существует, и мы все – дети Бедного поселка – являлись этому феномену живыми, страдающими свидетелями.

Но вот, с трудом преодолев издевательскую неподвижность пространства и времени, новогодний вечер наступал, наконец. В том числе дожили мы и до того особенного вечера, который пообещал нам Владик. Прежде чем отправиться в клуб, на новогодний карнавал, мы собрались у Владика за сараем. Настроение у всех было очень радостное, веселое до истерики. Многие из нас уже успели получить свои новогодние подарки, некоторые ожидали их наутро, а на этот вечер всем нам предстоял еще

замечательный праздник в клубе – с особенно оглушительным духовым оркестром на галерке, с пушечными ударами бас-барабана, с серпантинном и разноцветным дождем конфетти, сыплющимся с балкона, с бенгальскими огнями и хлопушками, с масками, призами и награждениями, с громогласным Дедом Морозом и изумительной красавицей-Снегурочкой.

Деда Мороза мы слегка опасались. В новогодний вечер он был, конечно, не опасен, пел песенки, смеялся, раздавал конфеты из мешка, водил, прихрамывая, хороводы с детишками, и от его бороды вкусно пахло табаком и яблочной самогонкой. Но без новогодней шубы, в гражданской жизни, летом он мог и за ухо цапнуть, и жопу солью отстрелить: он был объезчиком полей, грозным дядькой Петькой, который вместе с конём торчал над кукурузой на три метра вверх и мог тебя заметить в поле даже лежащего.

А вот Снегурочку мы все безумно любили и сильно переживали, что после Нового Года она снова превратится в Надю Голованову, и ее опять будет обижать этот подлец Гордей с самобичующей фамилией Негодяйкин, который её то бросает, то снова «живет с ней», как говорили взрослые. Они полагали, что это на нее мóрок такой напал под названием «несчастливая любовь». Лучше бы она нас любила, были мы уверены, мы бы ей отплачивали сторицей за ее красоту, мы бы ее на руках носили и никогда бы не обижали – не то что этот вечно злой Гордей, который, оказывается, еще и в тюрьме сидел за хулиганство! А то, что второй такой красавицы во всем мире не сыскать – с этим были согласны все до единого, включая побочного внука Сенечку. Глаза у Снегурочки-Нади были огромные и синие, как весенние озера, а голос у нее был такой, как будто звенит серебряный колокольчик. И ведь Гордей этот, сволочь законченная, ее однажды даже кулаком ударил! Когда мы были помладше, мы по этому поводу собирались однажды на экстренный военный совет, чтобы решить, как отомстить Негодяйкину за Надю. Предлагалось:

а) - отравить Гордея бледными поганками, когда он пойдет обедать в столовую;

б) - выкопать на учхозе гранату (там их было много в те времена на месте разбомбленного во время войны оружейного склада), и эту гранату подложить Гордею под подушку (мы знали в какой комнате стоит его койка в общежитии);

в) - дежурить по очереди на крыше общежития с запасом жонников и ждать, когда он будет проходить мимо.

Но каждый из этих планов содержал в себе те или иные непреодолимые сложности, в результате чего проходил Новый год за Новым годом, а Гордей все еще оставался жив и мучил Надю. Но теперь ситуация изменилась в корне. Теперь из армии вернулся наш Владик, которого, конечно же, научили там владеть всеми приемами самбо и ближнего боя. Поэтому накануне, тридцатого декабря, мы поговорили с Владиком на эту тему и попросили его разобраться, наконец, с мерзопакостным Гордеем, отомстить ему за Надю. – «Ты ведь и сам можешь на ней жениться!» – выставили мы перед Владиком фантастическую перспективу его счастья, высший возможный для него приз на земле. Правда, Владик нас немного удивил сначала. Вместо того, чтобы бурно обрадоваться этой мысли, Владик помрачнел вдруг, но потом потрянул головой и жениться нам пообещал. И даже хмыкнул от удовольствия. И тогда мы стали хлопать друг друга по плечам и кивать друг другу: «Теперь дело будет в шляпе...». Только Юрик Офицеров загрустил. «Эх, гадство какое! – сокрушался он, – был бы я хоть на три года постарше, я бы и сам Негодяйкину морду набил и на Снегурочке женился. А сейчас меня не женят: нужно, чтобы восемнадцать лет стукнуло». Помнится, меня кольнула иголочка ревности – ведь я был на несколько дней старше Юрика, и мог бы претендовать на это счастье вперед его, но спорить с ним я не стал, это было бессмысленно: все равно ведь он не женится на Снегурочке – это ему понятно...

Таким образом, предстоящая новогодняя ночь помимо большой, особой праздничности сулила нам еще и колоссальную интригу: а вдруг Владик разберется этой ночью с Гордеем и завтра утром женится на Снегурочке? Вот это было бы да! Конечно, мы хорошо понимали, что сегодня, здесь, за сараем Владик будет об этом помалкивать. Все справедливые дела должны делаться тихо, без шума. «Не будет же Владик бегать по Кокино и каждому сообщать о своем плане! Это было бы глупо с его стороны. А ведь Владик не дурак, о-о, нет, наш Владик далеко не дурак», – рассуждали мы в нетерпеливом ожидании Владика, убежавшего в дом за своим новогодним сюрпризом. И он появился, наконец, с небольшим свертком в руках и объявил:

– А сейчас в честь Нового года и моего возвращения из советской армии будет дан кремлевский салют!

Так вот, оказывается, что привез Владик с Дальнего востока, из своей воинской части: сигнальные ракеты! Красные, две штуки! Побочный внук Сенечка спросил: «Ты их украл?» Кто-то дал ему подзатыльника, Сенечка слегка завыл, ему дали второго, и он затих. А Владик спокойно, с достоинством объяснил: «Мне эти ракеты подарил мой друг Леша из Джамбула. А он тоже почестному их добыл, на спирт обменял у старшины. Так что не болтай глупостей, Арсений. Умей говорить умные вещи сызмальства!» Сенечка повесил голову и загрустил: говорить умных вещей он не умел.

Между тем Владик стал колдовать над импровизированной пусковой установкой, состоящей из консервных банок в качестве базовой платформы и системы стапельных направляющих, составленных из подручного дворового мусора – кусков водопроводных труб, проволоки и деревянных дощечек. От этого «Байконура» Владик протянул в нашу сторону несколько «бикфордовых шнуров», сделанных из бечевочки, окунутой в масляную краску. Когда обе ракеты были установлены на некотором удалении друг от друга, Владик распрямылся и потер замерзшие руки. Потом он достал спички и спросил нас: «Ну что, с Новым годом, товарищи?» – и мы дружно подтвердили: «С Новым Годом, Владик!» После этого он поджег концы «бикфордовых шнуров» и отбежал к нам. Мы все спрятались за углом сарая. Славик спросил, нужно ли зажимать уши. Я сказал, что лично я не буду – небось, это не атомная бомба, чтобы порвались барабанные перепонки. Однако Юрик Офицеров возразил, что лучше все-таки широко открыть рот, как это делают артиллеристы в кино по команде: «огонь!» Мы все послушались Юрика и распахнули рты, включая Сенечку, хотя у того рот и так был постоянно открыт, потому что у него из-за насморка плохо дышал нос. В этот момент Владик вдруг заругался: «А-а, черт, скособочилась, падла», – имея в виду одну из ракет, ближнюю к нам, которая и впрямь накренилась вместе со своим «стапелем» и прицелилась в нас. Владик кинулся к снаряду наперегонки с догорающим шнуром, чтобы успеть еще поправить ракету лыжной палкой. И почти что успел. Но когда он был уже рядом с ракетой и шевельнул ее, то та оглушительно и свирепо зашипела, как проткнутая шина, выпустила хвост белого дыма и полетела не вверх, куда ей положено было отправиться, но метнулась в сторону сарая, отпрыгнула от стены и, хитроумно вихляя, пустилась над землей вдогонку за Владиком, который, по всей видимости, хорошо зная коварный нрав ракеты, уже вовсю

петлял по огороду, шустро, как заяц, путая следы и ловко уворачиваясь от все более наливающегося красной яростью, свистящего снаряда позади себя. Владика выручил старый плуг, полужасыпанный снегом, забытый на огороде осенью. Владик запнулся и упал, а ракета на всем ходу врезалась в лемех, отразилась от него и, набирая скорость, с жужжанием помчалась обратно в нашу сторону – в сторону сарая, за углом которого мы прятались, замерев от ужаса, забыв про наши, все еще открытые рты. Мы вжались в стену сарая в надежде, что ракета нас не заметит, и чуть при этом не раздавили насмерть побочного внука Сенечку, который стонал и кряхтел, но терпел и не дергался, понимая всю серьезность момента. Наша тактика удалась: поскольку мы не шевелились, то ракета нас, к счастью, и впрямь не заметила, но зато она узрела, наверное, свое собственное отражение в застекленном сарайном окошке, подумала, что это бессовестная конкурентка нагло дразнит ее изнутри сарая, и с воем кинулась на обидчицу. Раздался треск и звон разбитого стекла, а внутри сарая немедленно грянул вселенский куриный переполох. Из сарая повалил дым. Между тем с огорода семимильными армейскими прыжками уже приближался к сараю заправщик истребителей Владик, который, с форсажным ревом: «Ну, щас полыхнет!» бросился внутрь сарая. Куриная паника от его появления лишь усилилась, и слышно было, как Владик отбивается от кур и кричит им: «Ах ты нечисть куриная, растудыт вашу курью маму Авдотью Васильевну! " - и еще другие слова неслись из сарая, которые здесь приводить нельзя.

Не прошло и минуты, как наш героический Владик, весь в дыму и белых перьях возник на пороге сарая и, широко улыбаясь, поделился с нами радостной вестью: пожара не будет, потому что курочки сами молодцы, потушили ракету. Она упала в куриное дерьмо и погасла в нем. Только петушка Юсупа тяжело контузило, сообщил Владик. Петушок лежит без сознания. Как бы опровергая эту гнусную клевету, из сарая разнеслось хриплое боевое «Кикрикийя-а-а!», и возмущенный, всклокоченный петушок Юсуп возник на пороге.

– Он сказал «С Новым Годом!», он сказал «С Новым Годом!» – в восторге закричал побочный внук Сенечка, хлопая в ладоши, но дать ему по кумполу за неуместное ликование никто не успел, потому что в этот миг с дальнего «стапеля» благополучно взлетела вторая, в панике забытая всеми нами ракета,

до которой с некоторым запозданием добрался-таки медленно тлевший всё это время «бикфордов шнур».

Эта вторая ракета взлетела высоко и торжественно. Она повисла над Кокино живой рубиновой звездой, похожей на кремлевскую, горящую над московскими курантами, которые скоро уже начнут бить «Новый год». Мы завопили «Ура-а-а!» и стали бросать в воздух шапки, безуспешно стараясь добросить их до ракеты. Вишневое пламя нашей поздравительной ракеты планете Земля, оставляя за собой красивый седой след и выписывая изящную дугу, устремилось на запад, в сторону деревни Паниковец. И вдруг оттуда, навстречу нашему красному шару взметнулись два зеленых.

– Васька! Это Васька Пачихин – дембель с западной границы. Я его знаю!
– завопил Владик.

О, это было очень красивое, очень праздничное зрелище – танец трех сигнальных ракет в ночном, новогоднем небе... Но вот все погасло – сперва наша ракета, потом зеленые, и Сенечка требовательно завопил: «Еще хочу!». Ему сказали, что ракеты кончились, и он стал плакать. Тогда его погнали домой, спать, потому что бабка его давно уже летала по улице на метле и искала его. Визжащего от обиды, мы вытолкали его на дорогу, где бабка быстро запеленговала его и утащила.

Владик между тем возбужденно объяснил нам, что в соответствии с международным кодексом цветовой сигнализации, одна красная ракета и две зеленых означает «На бордаж!». И он убежал в сторону техникума, к женскому общежитию, чтобы прорваться в гости к студенткам, каждую новогоднюю ночь традиционно охраняемым «от деревенских» заслоном дружинников покрепче из числа техникумовских комсомольцев и коммунистов.

Так начался наш новогодний вечер 1965-го года – самый памятный из всех, которые были в моей жизни. И в жизни Юрика Офицера наверняка тоже. Да и в жизни самого Владика, пожалуй, и в жизни тети Дуси не в меньшей степени. Ибо Владик сделал на тот Новый год подарок не только нам, пацанам, но и собственной матери. Правда, не под бой курантов, а неделей позже. Помнится, были зимние каникулы, я сидел у себя на кухне и с величайшим наслаждением пил чай с бисквитным тортом маминой выпечки. И в этот миг за стенкой раздался истошный вопль тети Дуси:

– И это и есть твой новогодний сюрприз, негодяй?

После чего я услышал фирменное Владиково «бу-бу-бу», а затем отчаянные рыдания третьего, незнакомого мне голоса. Подстегнутый любопытством и дружеским долгом взаимовыручки, я оставил торт и, натягивая на ходу шапку, кинулся вокруг дома на половину Кокиных. Владик сидел у входа в дом на чурбаке и мрачно курил сигарету «Памир» без фильтра.

– Что там у вас за сюрприз случился? Что стряслось? – спросил я его, задыхаясь от бега.

– Ничего особенного, – буркнул Владик, – жена моя приехала.

Мне срочно потребовался второй чурбак, чтобы сесть, но его не было, и я опустился перед Владиком прямо на колени, стараясь заглянуть ему в глаза.

– Какая жена, Владик? Откуда? Ты чего брешешь? Ты пьяный, что ли? Или просто спятил? Что за жена такая? У тебя же отродясь не было никакой жены? А как же теперь наша рыбалка?..

Но Владик лишь отмахнулся:

– Жена как жена. Хорошая женщина. Расписались перед дембелем. Хотел матери сюрприз сделать.

– А чего тетя Дуся кричит тогда? А чего эта... жена твоя... рыдает так?

– От радости! – огрызнулся Владик и добавил: «Ничего, скоро обниматься начнут...». В доме действительно все уже стихло.

Так у нас за стенкой появилась еще и Алевтина, хорошая женщина. Приняв фамилию Кокина, она очень быстро вписалась в кокинский социум, и с тех пор воспитала в техникумовском детском садике много-много поколений кокинских малышей. Это именно она научила детсадовиков, шагая дружным строем по аллеям Кокино, петь с дальневосточной удалью популярную во времена коммунизма песню «Не плачь, девчонка...».

Но этот второй свой сюрприз, как уже сказано было, Владик преподнес нам всем лишь через неделю после запуска праздничных ракет, а в тот вечер, сразу после того как Владик исчез в направлении женского общежития, мы тоже стали быстро разбегаться по домам – за маскарадными костюмами, а затем в клуб, на праздник. Только я задержался еще ненадолго из-за всклокоченного петушка Юсупа, который потерянно стоял на пороге сарая и не знал, что ему делать дальше в этой холодной темноте после только что пережитого стресса. «Что теперь?.. что теперь?..» – тихонько стонал он. Я присел к нему на порожек и погладил. Юсуп доверчиво прижался ко мне. Я очень любил этого петушка,

потому что он был добрый и не клевачий, очень воспитанный и интеллигентный. Куры, правда, ни черта его не слушались, но и они беззаветно любили своего Юсупчика и ласково квохтали, когда он шел мимо них по двору. Так любят ткачихи своего мастера по наладке станков или жены любят своих добрых, безобидных мужей с высокой зарплатой и низкими претензиями – мужей, которых при таком сочетании качеств называют в народе «идеальными». Юсуп как раз и был такой, идеальный муж для своих кур, с моей точки зрения.

Я еще раз погладил петушка по спинке, и он пожаловался мне: «Как же так? Как же так?»

– Ты большой молодец, Юсупчик-хочу-в-супчик, – подбодрил я петушка, – ты совершил геройский подвиг, погасил пожар, спас своих курочек. Тебе положена медаль: «За отвагу на пожаре». Сто поколений кур будут тебя вспоминать после того, как мы тебя съедим...

Юсуп внимательно меня слушал, но как только я замолкал, он снова начинал ныть: «Так-то оно так... так-то оно так...».

Пришлось отдать ему ванильный пряник из новогоднего кулька. Петушок склевал его с горестным видом, но весьма оперативно и с большим аппетитом. После чего я занес его в сарайку и посадил на первую попавшуюся под руку жердочку. Юсуп объявил курам: «Я тут!» и затих – наверное, закрыл глаза. Я сказал курам «С Новым Годом, мамзели» и шагнул к двери. Куры ответили мне в спину дружной бранью. Только тогда я сообразил, что им холодно, в разбитое окно сильно дуло. Ах, этот дембельный Владик! Ведь к утру все курочки будут лежать с воспалением легких! Ну, чертов Владик! На женский «абордаж» он срочно побежал, видите ли, а про живые куриные души позабыл... Что делать? На второй, «культурной» половине сарая у Кокиных всегда стоял столетний диван с ватными подушками, на котором Владик частенько ночевал еще до армии, отлынивая от «воспитательных мероприятий» со стороны тети Дуси. Я метнулся туда. Дверь на «культурную половину» оказалась не заперта, и подушку я нащупал на старом месте. Я притащил ее в курятник и затолкал в окошко. Дуть перестало. В кромешной темноте раздавалось «О!.. О!..». Это в такой обморочной форме благодарили меня Владиковы куры-дуры. Я вышел и поплотней закрыл за собой дверь, чтобы ночью в курятник не пролез со своими

новогодними поздравлениями прохиндейский хорек, все последние годы терроризировавший сараи преподавателей.

Новый год.

Но теперь уже и мне самому нужно было сильно поторапливаться. По моим прикидкам, все наши должны были уже находиться в клубе. Что касается моих родителей, то они ушли туда давно – еще часов в семь. Они ведь были членами комитета по организации новогоднего вечера. Мне же нужно было еще переодеться. А переодеться мне было во что – в нечто совершенно необыкновенное!...

Вообще-то говоря, в тот год я принимать участие в маскараде не собирался. Все-таки я уже перерос тот возраст, когда наряжаются зайчиками, волками и Карабасами-Барабасами. Славик – и тот горевал, что будет ему, шестикласснику, скорей всего, неприлично уже выступать на елке в маске Кота-в-сапогах, но деваться ему было некуда. Он попал как кур в ощи́п: родители в порядке сюрприза купили для него в городе дорогущий костюм этого самого кота – с широкополой черной шляпой, синим пушистым пером в ней, красным плащом, кожаным поясом, сапогами и шпагой. Они ожидали от Славика щенячьей радости и бурных благодарностей, которые он и изображал для них изо всех сил, произнося «Мяу» и взмахивая шляпой, пока они им любовались в маскарадном костюме. Но потом, оставшись один на один с зеркалом «трюмо» и сняв к чертовой матери эти смешные штанишки фонариком с пришитым к ним хвостом, он стал расстраиваться. Он сознался мне, что вообще заболел бы на фиг и не пошел на елку совсем – только бы не позориться перед девочками и не мяукать по требованию Деда Мороза. «Они будут смеяться надо мной», – тоскливо сказал Славик. – «Так и заболею, – согласился я с его затеей, – сунь градусник в батарею или потри об шерсть. Только проверяй постоянно, а то я себе однажды сорок пять градусов нагнал...

– Нет, это бесполезно, это не поможет, – тяжело вздохнул Славик, – родители меня и с температурой в клуб потащат! Они хотят, чтобы все видели, как они меня сильно любят... Ведь такие большие деньги вложены в этого гадского кота: целых пятьдесят пять рублей – это же рехнуться можно! Гоночный велосипед с четырьмя скоростями стоит восемьдесят! Да еще и к фотографу надо теперь в город ехать, кота этого там напяливать, всем

родственникам фотографии рассылать – тоже дополнительные расходы. Нет, придется идти, нельзя родителей расстраивать... А то ведь к лету мне как раз гоночный велосипед и пообещали, если буду себя хорошо вести, – завершил свою логическую цепочку Славик.

Да, это была серьезная психологическая задачка. Что предпочтительней: когда тебя родители любят по-максимуму и все тебе покупают, или, когда тебя любят нормально, по-среднему, и всегда отвечают: «Денег нет». Если по-среднему, то, пожалуй, гоночного велосипеда черта с два дождешься... Зато по максимуму если, то и мяукай потом всю жизнь. Получается уравнение с двумя неизвестными, которое в математике не решается.

– Может, хоть на следующий год этот кот на меня уже не налезет? – с надеждой спросил меня Славик.

– Конечно, не налезет. Особенно, если будешь на турнике подтягиваться каждый день. Или просто висеть с кирпичом на ногах для быстрого роста.

– А ты висишь?

– Конечно, висю иногда... вишу то есть...

– А Юрик больше всех висит, это точно.

– Да, Юрик много висит, наверно. Вон как выперся за прошлое лето, длинней мамы своей стал.

– А Вовик будет толстого гнома изображать, я видел, с подушкой на животе, с зеленым колпачком на голове и с седой бородой до колен.

– Да пошел он! Что ты от него хочешь? Он же еще в четвертом классе только. Ему хоть ежиком вырядись, с яблочками на спине.

Мы стали смеяться над Вовиком Мигуновым. Потом Славик спросил: «А вы с Юриком не передумали? Не будете маскарадовать?»

– Нет, не будем.

Да, это было так. За пару недель до Нового года мы с Юриком приняли решение пойти на новогодний вечер в обычной праздничной одежде, вести себя солидно, по залу не бегать, хороводов не водить, и может быть даже принять участие в танцах, которые после полуночи будут организованы на втором этаже клуба, в зеркальном зале – в так называемом «фойе». Насчет танцев – это мы, конечно, излишне хорохорились друг перед другом, у каждого из нас пока еще кишка была тонка танцевать со студентками под музыку оркестра, но в целом пора было уже показать обществу, что мы взрослые

ребята, а не плюшевые зайки из писклявого хора. Хотя, на самом деле, Юрик пошел на эту жертву – на добровольный отказ от приза за маску (призы получали все маскарадники!) – не столько ради утверждения своей взрослости, сколько из наболевшего протеста, о котором речь впереди. Я же присоединился к Юрику из солидарности, а также потому, что не хотел быть «звездочетом». Костюм звездочета, состоящий из черного колпака, черно-белого плаща и белого жезла – все это обклеенное золотыми звездами из конфетной фольги – сиротливо пылился на шкафу кабинета физики, брошенный туда после вечера занимательной науки, который здесь же, в клубе проводил минувшей весной мой отец. Сам папа и предложил мне облачиться на карнавале в этот совершенно бесплатный и вполне забавный костюм. Получалось, как говорят в Одессе-маме: «дешево и сердито». Но мне эта идея не приглянулась, потому что каждый в Кокино еще помнил занимательный вечер физики, и костюм этот звездочетный тоже все еще помнили благодаря смешному студенту по фамилии Кузин, от одной комической рожи которого все ржали автоматически и который играл в папином спектакле смешную роль недотепы-звездочета, вечно попадающего впросак перед лицом настоящей науки. В этом костюме все будут принимать меня за Кузина, опасался я, и смеяться будут не над глупым звездочетом, а надо мной лично – хитрым жмотом, напялившим уже использованный театральным реквизит. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь из толпы деревенских обозвал меня «гондоном штопаным». Короче говоря, я от «звездочета» отказался и сообщил родителям, что мы с Юриком будем изображать просто примерных школьников, хорошо причесанных отличников-пионеров. Против этого мог возражать разве что враг народа, поэтому родители мои согласились без спора. Мы же с Юриком поклялись друг другу, что не будем жалеть, вздыхать и ныть о недоставшихся нам призах и подарках. «Может, мы даже портвейна выпьем со студентами в уборной!» – грозился Юрик в порядке компенсации за урон. «А что – возьмем и выпьем!» – хорохорился и я, холодея от мысли о жутких возможных последствиях этого чудовищного преступления: а что, если мы потом будем падать на дорогу и невнятно орать всякую матерную чушь, как это принято у пьяных? Родители наши ведь умрут от стыда!

Но все получилось иначе. Осуществить «взрослый» план нам из-за Юрика в том году было не суждено. И вышло так, что мы с ним не просто приняли участие в маскараде, но еще и сорвали два главных приза.

Собственно, как отказ от маскарада, так и последующее наше участие в нем коренятся в одной и той же причине – в протесте Юрика, о котором уже упоминалось. История этого протеста требует небольшого отступления, чтобы все стало понятно непосвященным. Дело в том, что Юрик с первого класса еще, прочтя книжку «Сын полка», возмечтал при живых родителях заделаться сыном полка и ходить в военной форме. Понятно, что ни одна армия мира брать его к себе на иждивение не собиралась, и Юриковы бредни закончились однажды горячей родительской взбучкой и длительным воспитательным промыванием мозгов после того, как какие-то совершенно незнакомые краснопогонники привели Юрика за шиворот домой с автобусной остановки и сдали его с рук на руки родителям, объяснив им, что этот мальчик приставал к ним с требованием забрать его с собой в армию и сделать сыном полка. Краснопогонники объяснили родителям, что служат при тюрьме охранниками и никакого полка у них нет, а если родителям не вмоготу воспитывать своего сына, то пусть сдадут его в интернат. Родителям Юрика это было очень обидно слушать, они угостили солдат яблоками, а Юрика – ремнем, когда охранники ушли. Но, хотя армия в лице краснопогонников его и предала, Юрик в душе своей остался верен ей, и постоянно просил мать, чтобы она пошила ему френч и галифе. Ему упорно мечталось выступить в образе сына полка хотя бы на новогоднем карнавале. Из года в год ему обещали это и из года в год его обманывали, ссылаясь на разные причины: на отсутствие времени, нехватку денег, на рождение маленькой сестры, на болезни, на плохую погоду, на потерю иголок – на тысячу причин, короче. Вот и хороводил Юрик вокруг елочки из года в год в костюме серого волка. И не он один, у них полкласса являлась на елку «волками», потому что их учительница Анна Платоновна имела удивительный талант шить забавные волчьи маски («это ее научила бабушка в детстве, ведьма старая!»,- возмущался Юрик) и передавала это свое умение следующим поколениям на уроках труда. Зайчиков она умела делать тоже, но Юрик категорически ненавидел шить зайчиков и из принципа шил одних только волков. Он их, надо заметить, тоже ненавидел, но без маскарадного костюма не получишь приза на елке, а остаться без приза никому не хотелось. Но всему

свой срок, и в седьмом классе ходить вокруг елки серым волком, когда кое-кто из сверстников уже пробовал целоваться – это абсолютный стыд и позор. Поэтому в канун этого Нового года Юрик опять, в дежурном порядке, поставил перед родителями вопрос о «сыне полка». Мать в очередной раз пообещала ему сшить мундир из старой гимнастерки двоюродного деда, но Юрик заранее был уверен, что его и на сей раз «обратно кинут». Отсюда и решимость Юрика отказаться от «маскарадного» приза вообще и примкнуть к портвейному лобби студентов-первокурсников в мужском туалете. Такова предыстория.

А вот и сама история. Двадцатого декабря я встретил на дороге деда Болотина, и тот спросил у меня, будем ли мы ставить елку. Это был очень уважительный вопрос. Подобной заинтересованностью дед Болотин как бы подчеркивал, что перед ним стоит не маленький ребенок, верящий, что елку приносит Дед Мороз, но серьезный, взрослый человек, знающий почему фунт лиха. Я сказал, что да, будем ставить елку, и Болотин записал нашу фамилию в тетрадку. Дед Болотин работал в хозчасти и в его обязанность входило ездить в лес за новогодними елками для техникума. Мы его любили. Во-первых, за то, что он был бывший моряк и трижды тонул в Балтийском море, во-вторых за то, что он обращался с нами и разговаривал, как со взрослыми людьми, без всяких там дурацких «сю-сю». В-третьих, потому что он умел плести сети и без утайки показывал нам, как вяжутся разные морские узлы. В-четвертых, потому что мы его жалели. У него умерла жена, бабушка Болотина, а сын спился где-то в Сибири и никогда не навещал отца на нашей памяти. Дед этот, Болотин, жил совершенно один, с рыжим, добрым, лохматым Тобиком, который радовался всему живому, включая ворон, мышей и крыс. У Болотина были седые волосы и седая борода, что и не удивительно для человека, который трижды тонул среди айсбергов.

Так вот, записав меня к себе в «новогоднюю» тетрадку, он поинтересовался, в каком обличье я собираюсь выступить на карнавале. Испытывая большое доверие к Болотину, я взял и рассказал ему про наш с Юриком план отказаться от участия в маскараде, и совершенно откровенно поведал – по какой причине: Юрик не будет участвовать из протеста, что ему снова не быть «сыном полка», а я – из солидарности с Юриком, чтобы ему не было одному скучно среди студентов.

– Ай-яй-яй-яй-яй! – отчего-то испугался дед Болотин, – со студентами, значит, будете праздновать?

– Со студентами.

– Ай-яй-яй-яй-яй! – опять стал качать головой Болотин, а потом уточнил: «Юрик – это который длинный, выше тебя, с головой огурцом, или это маленький – у которого голова редисочкой?» Я подумал при этом, какая должна быть у меня голова по системе Болотина – морковкой, свеколкой или турнепсиком, но уточнять эту подробность не стал, а ответил, что Юрик – это тот, который подлинней, а другой мой друг, который поменьше – то Славик.

– А, ну да, Славик, конечно, Славик Бриванов. А длинный – это, значит, Юрик Офицеров, да. Теперь я понял. Это сын Офицера из клуба, на лицо вылитый он, да. У того тоже голова огурцом, одна порода, безусловно. Хороший парень, вежливый... Не курит? Нет? Это хорошо... Молодец! И ты говоришь – всю жизнь мечтает сыном полка стать? Это удивительно, да! Бедный малый... Это ж надо ж, честное слово!.. Сын полка... Чудеса, понимаешь... совершенно удивительно. Пойду-ка я до Офицеровых, раз ты мне как раз напомнил про них, спрошу, будут они елку ставить или нет..., – и моряк Болотин пошел прочь, продолжая бормотать себе под нос: «...Это ж надо! Сын полка... и все никак...».

Через два дня за мной забежал Юрик с санками и позвал за елкой. Дед Болотин привез, дескать, и разгружает в хозчасти. «Побежали скорей, – торопил меня Юрик, – а то разберут всё – одни хлудики останутся». Мы побежали. Елки нам достались отличные, и мы стали их пристраивать на санки, когда к нам подошел дед Болотин и велел завтра днем явиться к нему «до хаты».

– Разговор есть, – многозначительно сказал Болотин.

Это было здорово! У моряка в доме имелся большой макет парусника, который Болотин клеил из спичек, и все стены у него были увешаны портретами кораблей и адмиралов. Попасть к деду Болотину в гости было большим везением. На следующий день, собрав доброму Тобику еды из всяких вкусных, колбасных и куриных объедков, мы отправились в гости к моряку, гадая, даст он нам подержать в руках свой парусник или не даст.

Но Болотин, сразу же, с порога, нас буквально огорошил.

– Ну-ка на, примерь, – приказал он Юрику, вынимая из шкафа... черный парадный мундир морского офицера с орденами и медалями! Мы эту фантастически красивую морскую форму видели, конечно, и раньше на Болотине во время праздников, но чтобы примерить... Юрик подумал, что его разыгрывают, и засмеялся.

– Давай, примеряй, говорю, понимаешь, да... Ты с меня ростом почти что... тощий только, конечно, да... Но это не страшно, это ничего... Примеряй, говорю, салага!

Юрик испуганно влез в мундир, и вдруг оказалось, что тот ему почти впору, только шея торчала из воротника, как крысиный хвост из шифоньера. Но после того, как Болотин обернул Юрикову шею белым шелковым шарфиком, эффект крысиного хвоста исчез, а от пилотки с золотым «крабом» у меня и вовсе сердце зашло от зависти. Юрик вдруг стал похож на настоящего морского волка, продутого всеми ветрами, мужественного и красивого, как мичман Панин в кино. Дед Болотин тоже остался доволен:

– Ну вот, понимаешь, как хорошо получилось, да... Пилотку малость подошьем тут вот, брюки подкрутим тебе на брюхе, ботинки черные свои собственные начистишь, понятное дело, а потом и кортик получишь, но это уже прямо в клубе, а то сопрут еще, честное слово. И чтоб никому даже поддержать не давал! Понял, салажонок?

Но Юрик ничего не понимал, он хлопал и хлопал глазами, а потом задал глупейший вопрос:

– А зачем?

– Как это зачем? «Сыном полка» будешь на маскараде! Морским сыном! Стало быть, другой формы у меня нету, понимаешь ты, вот так, да... Ну дак чего? Будешь на Новый год выступать сыном морского флота, понимаешь ли, или не будешь?

До Юрика вопрос все еще не доходил, он стоял с приоткрытым ртом и напряженно думал, так что даже Тобик перестал чесаться и воззрился на Юрика. Видно было, что песик тоже заинтересовался, дойдет до Юрика вопрос деда или не дойдет. А когда до Юрика дошло, вроде бы, то он как-то бесцветно ответил «Ага» и, звеня наградами, стал стаскивать с себя мундир. Он отдал деду Болотину морскую форму, одел свое пальтишко и спросил: «Так я что, пошел, что ли?»

– А я почему знаю, понимаешь, пошел ты или не пошел, честное слово, да... Ну, пошел, так иди. Приходи, значит, одеваться в двадцать два ноль-ноль тридцать первого числа декабря. И чтоб чистый был! Никаких там, понимаешь, соплей, макарон на рукаве и прочих излишеств от ужина, да... А кортик я тебе сам нацеплю в клубе, вот так...

Мы с Юриком ушли, и он весь остаток дня и весь вечер продолжал ходить, как пришибленный, почти не разговаривая со мной. Сначала я думал, что это он так зазнался передо мной благодаря морской форме и кортику, но потом пришёл к выводу, что он просто-напросто рехнулся головой. Для проверки я толкнул его в сугроб. Диагноз подтвердился. Юрик поднялся, отряхнулся и даже не сказал мне ни одного протестующего слова. Тогда я повернулся к нему спиной и пошел домой, чтобы не заразиться от него безумием. Но на самом деле я на Юрика обиделся. Я думал: а если он и вправду заявится в клуб, одетый «Сыном флота»? Что мне-то тогда делать прикажете – полным дураком в красном галстуке с серьезной рожей посреди развеселых студентов расхаживать? Ночью меня мучили кошмарные сны. Юрик гонялся за мной с кортиком и грозился обрубить концы. При этом сам я превращался то в деда Болотина, то – в его Тобика.

Назавтра Юрик оказался почти здоров, и от его болезни оставался только один вопрос, который он мне задавал каждые три минуты: действительно ли он похож на настоящего морского офицера в форме деда Болотина? Я очень остроумно выразился и постоянно потом повторял ему, что если штаны не упадут при парадном шаге, то отличить его от настоящего капитана первого ранга будет невозможно. Но Юрик моей иронии не слышал и бормотал: «У бати подтяжки есть, я пристегну к плечам». Мне оставалось лишь ядовито радоваться за него. Итак, я оставался один, без маскарадного костюма, без товарища, без приза. Еще можно было попробовать уговорить Славика не напяливать этого дурацкого Кота-в-сапогах и войти в мой «безмаскарадный» блок, но Славик вряд ли согласится, он не захочет обижать родителей, ведь ему к лету обещан гоночный велосипед, а гоночными велосипедами не швыряются. Тем не менее, я попытку сделал, но результат был предсказуем: Славик лишь виновато мне улыбнулся. Я остался один на один со своей горечью и перестал общаться с Юриком. Он тоже ко мне не заходил. Однажды, за несколько дней до Нового года я все-таки постучался к

Офицеровым, но мне сказали, что Юрик собирается в баню, и я ушел. Ну, конечно, сопли отмывать и макароны с майки, чтобы морской мундир не испачкать... Я был зол на Юрика и несправедлив к нему.

И вдруг, перед самым Новым годом меня посетила счастливая идея с греческим именем Эврика! Я тоже буду «Сыном полка», черт побери! И я побежал на другую сторону дома к Владiku. Тому идея понравилась, и он достал из шкафа свою дембельскую «парадку» с аксельбантами. Владикова парадка смотрелась на мне еще лучше, чем морская форма на Юрике! Просто поразительно до чего меняет человека военный мундир. Только что стоял перед зеркалом мослатый придурок в длинных трусах – и вот уже перед вами бравый солдат с твердым взглядом и непреклонным характером. «Удивительные чудеса, да!» – как сказал бы дед Болотин.

Не снимая Владикову форму, я тут же отправился к Юрику, и он меня не сразу узнал, когда открыл дверь, а когда узнал, то нашему взаимному восторгу не было предела. Два сына полка! Из двух родов войск! И неважно, что один – офицер, а другой – простой солдат. Это, наоборот, еще ценней! Армейский солдат и морской офицер – это и есть несокрушимый оплот Родины одновременно с суши и с моря. Вот как великолепно все сошлось. Юрик говорил мне, что я самый умный человек на свете и буду академиком, а я говорил ему, что он станет настоящим адмиралом или, в крайнем случае, контр-адмиралом.

И вот теперь, когда Владиковы курочки были спасены, я побежал к себе домой, чтобы срочно переодеться во Владикову парадку и мчаться потом в клуб. Судя по часам, Юрик должен был уже находиться там. Мы договорились, что войдем в зал вместе. Надо было действительно поторопиться, потому что я по опыту знал, что конкурс костюмов и раздача призов завершится к половине двенадцатого. Все было продумано заранее, чтобы народ успел еще морально и физически подготовиться к стрельбе патронами конфетти, зажиганию бенгальских палочек и швырянию с балкона серпантинных лент и серебряной мишуры под бой московских курантов, передаваемый по радио через громкоговорители.

Я бежал в клуб по абсолютно пустым улицам. Даже собак не было слышно, как будто все они сговорились и тоже куда-то подались праздновать –

отдельно от людей. Сыпал мелкий снежок, как в сказке, и сыто хрумкали по заснеженной дорожке мои, то есть Владиковы военные кирзачи, или говнодавы, как он их называл, вычищенные и наполированные мною до хромового сияния. Сапоги оказались мне на три размера велики и танцевали на ногах в трех координатах, да еще и норовили изобразить лыжи, в результате чего я три раза мазданулся на поворотах. Благо снег был чистый, и я прибыл в клуб почти что неповрежденным, если не считать надорванного рукава пальто.

Юрик уже ждал меня в пустой оркестровой комнате, куда он в качестве сына главного барабанщика имел право заходить беспрепятственно. Юрик сильно нервничал. Он был совершенно неотразимый красавец в морской офицерской форме, но на лице его изображалась трагедия:

– Болотина не видал? – накинулся он на меня, – а то я без кортика не пойду! Ты имей в виду!

– А на меня-то ты чего орешь? – возмутился я, – ишь, напугал, не пойдет он! Ну и стой себе тут один перед зеркалом...

– Ага, а говорил, что вместе пойдем! Предатель!

– Сам предатель! Чуть меня одного не оставил. Возьми вон барабанную палку и ходи с ней вместо кортика...

– Ага, я знаю, тебе завидно, что у тебя кортика нету, вот ты и дразнишься: «барабанную палку»... Сам возьми, рядовой навозной службы...

– Ты не твяккай-ка лучше, друг Юрочка, а то и вправду возьму сейчас барабанную палку да и по кумполу тебе врежу... Кортика у него нету... Без кортика ходи! Может ты прямым ходом с гауптвахты на бал явился! Кто знает?

Наш диалог раскалялся бы и дальше, и неизвестно до чего бы дело дошло, но тут дверь в оркестровую комнату растворилась, и вошел дед Болотин, красный лицом и веселый: видать, старый год он уже несколько раз успел проводить.

– Ну, гвардия, ей-богу! Готовы, что ли, в бой, честное слово, понимаешь? Или не готовы?

– Да вон Юрик без кортика идти не хочет.

– Ишь ты как, понимаешь! Не хочет он, видите ли, честное слово! А почему он не хочет, надо его спросить, ей-богу? Ты почему не хочешь, Юрик Офицеров, без кортика выступить на параде, понимаешь, а? А потому ты не хочешь, стало быть, Юрик, что морской офицер на параде без кортика – это все

равно что... ну, как бы это культурно выразиться, не при детях будь сказано, понимаешь... Ну, неважно, короче, да... Вот он, твой кортик, товарищ старший лейтенант Болотин! Получай! И седой моряк заботливыми движениями извлек из-за пазухи кортик на золотых, плетеных ремнях. Мне захотелось плакать от тоски и зависти, тем более, что я понимал, что носить кортик по очереди не придется. Зеленая пехтура с морским кортиком, это все равно, что баран под кавалерийским седлом. Но тут уж ничего не поделаешь, назад пятками не ворочают. Назвался груздем – полезай в кузов. Буду при морском лейтенанте Офицерове как бы переодетым представителем генерального штаба, прибывшим на корабль с инспекцией... Зато на Юрике мундир болтается вон, вместе с кортиком этим, все равно как на пугале огородном, а на мне мой мундир сидит как на... как на Юрии Гагарине!.. Небось мы с Юрием Гагариным оба из авиации... Мы за облаками летаем, что нам это море солёное?.. Владик вон издевался недавно над морским дембелем Евсюковым с Полубеевки: «Ой-ёй-ёй, ссыте мне на грудь скорей, без моря жить не могу!», а также: «Моряк, с печки бряк, жопа в ракушках!» Я сглотнул несколько раз и был готов на выход. Юрик, сурово сжав губы, тоже шагнул к дверям. Дед Болотин следовал за нами. Он не собирался выпускать свой кортик из виду и правильно делал. Он знал, что такой драгоценный кортик слямят – глазом моргнуть не успеешь. И не он один это знал! Мы все это знали! Поэтому Юрик держался за кортик крепко, как адмирал Нельсон за свою шпагу на портрете у Болотина.

Наше появление в зале произвело фужер, фураж и фурор – все варианты сразу. Дед Мороз даже споткнулся об мелкого хороводника под ногами, остановился, как вкопанный конь, смешав широкий круг масок и костюмчиков вокруг себя, и закричал:

– А это что еще за хрень такая? Ты где эту форму спер?

Тут нужно кое-что пояснить. Обычно Дедом Морозом высупал у нас злой объезчик с оглушительным голосом дядька Петька. Но накануне нового года он угорел в бане, после чего заболел аппендицитом и загрохотал в больничку. Вместо него профсоюз назначил Дедом Морозом Юрикова папу – у того голосище тоже был ого-го, когда надо. Свой бас-барабан Офицеров-старший доверил перворазряднику по вольной борьбе, старшекурснику Прокопенке. Тот бил в него теперь хотя и невпопад, но очень громко и без усталости.

Так вот: «Ты где эту форму спер?», – закричал на Юрика его папа-Дед Мороз. Тут же все детишки в зале захохотали. Они решили, что это очередная шутка Деда Мороза и принялись дружно скакать и прыгать и тоже спрашивать Юрика, хохоча: «Где спер? Где спер? Где форму спер?»

В этой критической ситуации Юрик поразил меня своей выдержкой (все-таки, пожалуй, форма определяет содержание, а не наоборот – вопреки всем Гегелям и Платонам). Не дрогнув ни лицом, ни фигурой, Юрик четко промаршировал к Деду Морозу, остановился перед ним по стойке «смирно», вскинул руку к пилотке и отрапортовал:

– Старший лейтенант морской гвардии Юрий Офицеров для участия в новогоднем параде прибыл! С Новым Годом, Дед Мороз!

Я подумал, не отрапортовать ли и мне, но в этот момент Дед Мороз произнес совершенно не по новогоднему сценарию:

– Ни хрена ты себе!

И снова заплясали вокруг дети, передразнивая: «Ни хрена себе!», «Ни хрена себе!». И неизвестно чем бы все это кончилось, если бы не Снегурочка Надя. Она быстро сообразила, что к чему, подбежала к Юрику, схватила его за руку, потом другой рукой ухватила меня и зазвенела серебряным колокольчиком своего чудесного голоса:

– Все в круг, детушки, становитесь все в круг. К нам пришли герои, мы должны сделать для них большой-пребольшой хоровод, на весь зал! Все, все, все, все бегите сюда! Все становятся в наш круг!

Конечно, мы с Юриком – два боевых, заслуженных воина – ни за что не стали бы кружиться в этом детском хороводе, если бы не Надя-Снегурочка. Но как было выдернуть свою руку из ее волшебной снежной ручки?! Мы пошли хороводом, и я видел краем глаза, как глупо улыбается Юрик, забыв, что он должен оставаться суровым на вид. Но он, кажется, ничего не замечал вокруг себя. И я знал – почему. Я и сам ничего не замечал, кроме горячей руки Снегурочки, которая сжимала мою ладонь. Мне хотелось, чтобы этот хоровод длился вечно... Между тем в круг со стороны лейтенанта Офицера ворвался зеленый гном Мигунов и, схватив за руку оторванного от Юрика ребенка, другой рукой уцепился за кортик. Юрик тут же схватился за кортик тоже, и так они и шли дальше, замкнув хоровод кортиком. Дети между тем оглушительно пели «В лесу родилась елочка, в лесу она росла...». Открывал рот и Дед Мороз. Но он

не пел. Судя по движению бороды, он повторял все время одно и то же: «Ни хрена себе дела!»..., «Ни хрена себе дела!»...

Но все на свете когда-нибудь заканчивается, хорошее – тоже, и вот, сделав два или пять кругов, хоровод распался. Снегурочка растворилась в природе (отдельные идиоты злословили, что она побежала, дескать, в женский туалет курить и подбивали девчонок пойти туда и посмотреть правда ли это). А старший лейтенант Офицеров с трудом отогнал от себя назойливого гнома Мигуна, и мы с Юриком стали двигаться по залу, по строго продуманному заранее протоколу. Со сдержанными, полными достоинства улыбками мы подходили то к одному члену жюри, то к другому, то еще к кому-нибудь из родителей, отдавали честь и докладывали (это Владик нас обучил):

– За время моего дежурства никаких происшествий не случилось!

Или:

– За время моего дежурства гном Мигунов раздавил елочный шарик!

Или просто:

– Нахожусь на боевом дежурстве!

Когда нас хвалили (а хвалили нас все!), мы в обязательном порядке снова вскидывали ладонь к головному убору и восклицали:

– Служу Советскому Союзу!

Короче – получилось здорово. Так здорово, что здоровей не бывает. Было настолько здорово, что я перестал ревновать к кортику и даже стал немножко гордиться тем, что у меня, простого солдата, есть такой друг: морской офицер, старший лейтенант, увешанный орденами – даже если это все и понарошке.

И вдруг оркестр, который все это время гремел с балкона, замолк. После этого маленький барабан Вани Синицына исполнил мелкую дробь, и мы все знали, что сейчас начнется вручение призов и наград. Все дети разом остановились как по команде «Замри!» и повернулись к сцене. Председатель наградной комиссии, парторг Иван Матвеевич многозначительно прокашлялся, показывая, что дело ему предстоит нелегкое, ох, какое нелегкое... Потом он сказал в повизгивающий микрофон:

– Дорогие наши детки! Большие и маленькие! Вы такие все красивые, и мы не могли на вас налюбоваться. И костюмы ваши маскарадные – один другого лучше, так что невозможно было определить, чей самый лучший.

Поэтому мы решили так: пусть на этот раз все призы будут первыми! Нет второго! Нет третьего! Все призы – первые!

– Ур-р-а-а-а-а! – завопили дети, и родители детей тоже бурно захлопали. Парторг замахал руками, требуя тишины, и продолжал:

– Но поскольку в нашем зале присутствуют сегодня два защитника нашего дорогого Отечества – самые главные люди в нашей стране – то мы решили, помимо первых премий, вручить им еще и два специальных приза. Согласны вы с этим?

– Согла-а-асны! – закричал зал.

После этого Иван Матвеевич вызвал на сцену «Старшего лейтенанта Офицера и рядового Шенфельда». Оркестр заиграл туш на балконе, и мы с Юриком двинулись за наградами. Я получил лыжи и коробку с жесткими креплениями, а Юрик, поскольку он моряк – ласты, маску и «трубку для подводного ныряния», – как он выразился.

Мы отошли в сторонку и стали рассматривать наши подарки и любоваться ими, слыша при этом, как на сцену вызывают одного за другим то «Зеленого гнома», то «Дюймовочку», то «Серого волка», то «Кота-в-сапогах» (это нашего Славика!), то «Красную шапочку» вместе с бабушкой.

Дед Болотин возник рядом с нами как-то незаметно, но он возник, и Юрик знал, что это означает. Чтобы демонтаж не происходил на людях, Юрик пригласил Болотина в оркестровую комнату, и морской волк Болотин согласно кивнул. Я заметил, что он уже под сильной качкой, как при шторме, но Болотин посмотрел на меня, приложил палец к губам и объяснил: «Норму знаем!» Мы прошли в оркестровую вместе с нашими призами, Юрик отстегнул кортик, погладил его и, тяжело вздохнув, отдал Болотину. Тот надел его себе на шею и запахнул тулупчик. Юрик начал стаскивать мундир с орденами, но дед Болотин вдруг возразил:

– А это пока не надо, понимаешь. Ты пока помаршируй тут, честное слово... Еще же этого самого... танцы, там, туда-сюда... девочки... покрасуйся еще, сын флота, честное слово, понимаешь... А завтра принесешь, того самого, так сказать... Не потеряй только, ей-богу, награды мои боевые, понимаешь, они не картонные, сам понимаешь. А кортик – нельзя, понимаешь, ей-богу... Кортик – оружие, честное слово...

И этот замечательный, одинокий, добрый, изрядно выпивший человек ушел, оставив Юрика в офицерском облики. И почему мы Болотина дедом звали? Никаким дедом он не был. Моему папе было столько же лет сколько ему, а то и больше.

Тем, что он не отобрал у Юрика форму, Болотин сделал нам с Юриком еще один неожиданный и восхитительный подарок, о котором ни один из нас всерьез и мечтать не смел. После того как пробили куранты, и над головами празднующих взметнулись и всех оплели ручейки серпантина, и затрещали, брызгая искрами, бенгальские огни, и зал окутали разноцветные облака конфетти, и наступил Новый Год – после этого были объявлены танцы в фойе. Молодежь из окрестных деревень и студенты техникума потянулись наверх, а детей родители начали упаковывать, чтобы разобрать по домам. Мы с Юриком стояли у елки в нерешительности: идти на танцы – страшно, идти домой – рано, да и жалко, что уже все позади. Ждешь – ждешь этого Нового года, тем более такого прекрасного... И вдруг послышался волшебный серебряный голосок:

– А вы, солдатики-офицерики, что же наверх не идете? Сейчас танцы начнутся! Как же нам обойтись без таких героев? – и к нам вышла из-за елки ... Надя-Снегурочка!

– Мы это... нам не положено, – растерялся Юрик.

– Что значит «не положено»? Морскому офицеру – да не положено? Ах, какая ерунда! А ну, пошли-пошли-пошли за мной, быстро...

А наверху уже гремела медь переместившегося с балкона в фойе оркестра, и сам Дед Мороз бил теперь в свой барабан, а Снегурочка командовала оркестру играть вальс и тут же схватила Юрика и стала его кружить. Бедный Юрик чуть не падал, но был при этом красный и счастливый, как петушок на палочке, которого лижут. Вальс он, конечно, танцевать не умел, но что-то такое выписывал кругами, наступал Снегурочке на ноги и хохотал, как законченный дебил. Надя докрутила его до ближайшей стенки и оставила там хохотать в одиночестве, а сама схватила теперь уже меня, пока музыка не кончилась. Но со мной у нее получилось хуже. Может быть потому, что я был не офицер, а рядовой, а может быть и потому, что плохо ворочались ставшие особенно огромными сапоги, внутри которых одеревенели вдруг мои ноги, так что я просто вцепился в Снегурочку двумя руками и медленно, игнорируя

вальс, поворачивался вместе с ней туда-сюда, боясь посмотреть ей в лицо, боясь вообще говорить, чтобы она не догадалась, как ужасно я ее люблю...

Но вот музыка замолкла, Снегурочка пропела мне: «Спасибо за прекрасный танец, милый солдатик», и исчезла, а я, постояв еще немного и поняв, что ее больше нет рядом со мной, двинулся сквозь веселую толпу в поисках Юрика, но глаза мои Юрика не видели, потому что настроены были лишь на одно видение. Я высматривал в зале только одно небесное волшебство – обожаемую Снегурочку. С тех пор, каждый раз, когда я слышу романс «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...», я вспоминаю свой первый вальс со Снегурочкой в фойе кокинского клуба, в тот незабываемый Новый год, когда Владик вернулся из армии...

А Юрик все еще стоял у той же стены, где его оставила Надя, и все еще хохотал. Он был совершенно пьян, и я подумал даже, не плеснули ли ему студенты портвейна, пока я танцевал со Снегурочкой. Но, как он признался позже, это он был так пьян от любви. Он тоже успел, оказывается, влюбиться в Снегурочку – этот прохвост лейтенантский. Юрик хохотал, а мне стало тоскливо на душе. Снегурочка растаяла, растворилась в воздухе, праздник жизни закончился. Как говорится: «Окончен бал, погасли свечи...». Но я тосковал тогда не по самой исчезнувшей Снегурочке-Наде, не по прекрасной женщине моей мечты, как я теперь уже ясно понимаю, вглядываясь внутренним взором в далекую даль прошлого. Обладающая, наверное, даром предчувствия, это тосковала моя душа, угадав, что никогда уже больше – никогда, до конца жизни! – не суждено ей испытать любовь в таком ослепительно-чистом, неземном очаровании, сполохи которого озаряют человеческую душу лишь в начале жизни. Этот свет приходит из сфер, предшествующих рождению Вселенной, когда еще не существовало материи, и вне времени и пространства жило в природе одно лишь ЧУВСТВО: чувство предстоящей красоты мира – бесконечной и неопишуемой.

– Я пошел домой, – объявил я Юрику, и двинулся к лестнице.

– Ты чё, ты чё, ты куда? Еще же рано, еще же танцы идут, – семенил позади Юрик и хватал меня за рукав. Я остановился и зашипел на него:

– Она ушла, дурак! И не придет больше, понял? Ее Негодяйкин увел, понял?

– Негодяйкин увел? – в ужасе переспросил Юрик, – ты сам видел?

– Да, видел! – соврал я, хотя, скорей всего, так оно и было.

– А может, она еще вернется? Вырвется от него и прибежит назад...

– Не вырвется она, дурак. Забудь думать. Пошли домой, – и я стал спускаться по лестнице. Я слышал, как Юрий нехотя тащится сзади, шаркая ботинками по ступеням.

– А как же танцы? – спросил он, все больше отставая от меня.

– Тебе нужны все эти накрашенные дуры там? – спросил я его через плечо.

– Нет, не нужны, – признался Юрий и пошел быстрее.

Мы забрали призы из оркестровой комнаты, одели свои гражданские одежды поверх военной формы и отправились по домам. По дороге почти не разговаривали: «керосин закончился», – как сказал бы наш Владик. Юрий стал зевать посреди дороги и немедленно заразил меня тоже: глаза мои стали буквально слипаться. Мы тащились на автопилоте сквозь тихую зимнюю ночь, и подарки время от времени выскальзывали из рук то у одного, то у другого, и глухо падали в снежный пух. Только эти события и оживляли еще замерший мир с его белым снегом и черным небом, сверкающим новенькими звездами. На прощанье, сворачивая к своему дому, Юрий напомнил мне, что завтра, когда выпится (то есть уже сегодня), он придет ко мне испытывать маску (Офицеровы мылись в корыте или ходили в баню, а у нас была своя ванна в доме). Я сказал «Ага», и мы расстались. Родители уже ложились спать, когда я пришел домой, но отец успел еще подразнить меня: «Ну что, военный жених, натанцевался?» А мама поздравила еще раз с Новым Годом и с ценным подарком. Я уже едва шевелил языком, но успел еще обратить ее внимание на одну техническую деталь: что для жестких креплений нужны специальные лыжные ботинки. Мама сказала мне: «Ложись спать и пожелай себе от Деда Мороза лыжные ботинки». А отец подмигнул мне. И я понял, что ботинки завтра утром – то есть уже сегодня – будут лежать под елкой. И еще я понял, что все это – с клубными спецпризами, и с лыжами, и с подводной маской для Юрика – все это было одной сплошной, заранее организованной, но очень приятной аферой со стороны моих родителей. Поддерживая игру, я сказал: «Как же, услышит меня Дед Мороз, можно подумать! Он сейчас в барабан бьет двумя палками и на стуле едва сидит...». Больше я ничего не помню. Возможно, что я заснул, еще не дойдя до кровати.

Белые тигры.

Выспавшийся Юрик Офицеров пришел ко мне испытывать в ванне свою подводную маску во втором часу дня, всё ещё красный лицом и довольный жизнью.

– Продрыхался, лейтенант? – поинтересовался я.

– Сам ты продрыхался! Я уже Болотину форму отнес и пообедал у него. Макаронами по-флотски, понял?!

– Ух, ты! Дед Болотин умеет макароны по-флотски варить?

– Еще как умеет! И вообще, никакой он не дед. Сам ты дед. Его зовут Федор Федорович!

– Как? Федор Федорович? Вот это здорово! А я и не знал. Как красиво его зовут. Как Шаляпина. Шаляпина звали Федор Иванович.

– Какой еще Шаляпин-Шляпин? Как адмирала Ушакова, дура ты! Ушакова тоже звали Федор Федорович!

– Ну и ладно. Значит, адмирала Ушакова называли в честь нашего Болотина. Ну, так что – нырять будешь? Ванну наливать?

– Конечно, наливай! А вдруг она протекает?

– Кто, ванна?

– Маска моя, дуралей!

– Гляди, додуркаешься ты у меня сегодня, Юрик-ханурик! Ванна-то моя...

– Да ладно, чего ты? Я же это тебе по лучшей дружбе говорю. Как морской офицер сухопутной рядовой крысе, хи-хи-хи...

– Сейчас тебе будет «хи-хи-хи». Потонешь в моей ванне, морской офицер – все Кокино обхохочется. Ладно, пошли. В пальто нырять будешь, что ли?

– Зачем в пальто? В трусах... Только потеплей сделай, а то я икать буду. Я от холодной воды икаю.

– Ладно, будет тебе потеплей. Мне самому невыгодно, чтоб ты воды наикался да утоп у меня тут. Еще меня же и обвинят! Охота мне, думаешь, из-за тебя, придурка, в тюрьме сидеть? Надо бы тебе на всякий случай предсмертную записку написать, что, мол, в случае моей неожиданной гибели – никто не виноват, кроме меня самого.

– Ага, как же, нашел дурака! С такими записками в кармане людей как раз и грохают...

– В каком еще кармане? Ты же в трусах будешь. У тебя что – трусы с карманами?..

Пока мы с ним так трепались глупо, ванна постепенно наливалась, а Юрик постепенно раздевался. Наконец, Юрик напялил маску и нырнул – на самое дно.

Он как раз лежал на животе под водой, шипя в трубку и рассматривая свои руки через маску, когда на крыльце забухали шаги и в дом без стука ввалился Владик. Он с изумлением воззрился на нырца. Тот целиком в ванне не умещался, и ноги его, согнутые в коленках, торчали ластами над водой и шлепали по кафелю (для полного ощущения подводной охоты Юрик обязательно желал испытывать маску с ластами на ногах). Владик поразмыслил над увиденным и спросил:

– Это он до такой степени пережрал вчера? Вот это да! А ты чего? Проблевался уже?

– Сам ты проблевался. Это он маску подводную испытывает, приз свой новогодний. А мне лыжи подарили с жесткими креплениями. А тебя кто бил? Глаз вон синий весь! Рылько, что ли?

– Ха-ха! Рылько! Вот, видал, как праздновать надо? – и Владик отогнул воротник свитера и продемонстрировал мне два жирных засоса на шее. – С великим боем прорвался я в женское общежитие вчера! Многие пали, а я прорвался. Так-то вот! Это мне дружинник в глаз саданул, но ты бы посмотрел, что я с ним сделал!

Теперь изумился уже я:

– Зачем же ты пробивался? Тебя и так пустили бы. Ты же свой, техникумовский!

– А, не хотел выпендриваться перед деревенскими, – объяснил Владик, – там еще несколько дембелей было вместе с Васькой-паниковецким, все свои ребята. Так что же, по-твоему, я пройду, помахав ручкой, а им без меня пробиваться? Нет, Гарька, так в армии не положено. В армии девиз известный: один за всех, и все за одного!

Юрик, оказывается, все слышал из-под воды, он вынырнул на секунду, поднявшись на локтях, выплюнул трубку и сказал Владиду с широкой улыбкой:

– "Владик, ты блядун!". Это прозвучало скорее как одобрение, а не осуждением. И я понял: Юрик доволен тем, что Владик не разобрался ночью с Негодяйкиным и не женился поутру на Снегурочке, оставив на будущее реальную надежду ему самому, Юрику. И он нырнул снова.

– Давай его утопим, – предложил Владик.

– Нельзя, – объяснил я ему, – он записку написал: «Если я утону, считайте, что меня утопил Владик».

– Вот, гад! – возмутился Владик, – а откуда он знал, что я приду?.. Э-э, да ты просто брешешь про записку...

В этот момент Юрик, продолжая все слышать из-под воды, вынырнул на всякий случай опять, неуклюже развернулся в ванне, шлепая ластами по стене, разбрызгивая воду по полу, и сказал:

– Когда я сюда шел, то встретил тетя Дусю. Она тебя искала и пообещала, что башку тебе оторвет за кур и за разбитое окно в сарае.

Владик поскуцнел и забормотал: «Вот дура тоже... как будто это я разбил... она сама залетела: не я же ее на сарай прицеливал...».

– Ага, не ты, не ты, – злорадно вещал из ванны Юрик, – а жопу надерут тебе, а не ракете твоей!

– Щас утоплю!

– Не утопишь! У меня свидетель есть!

Тогда Владик плюнул и ушел, забыв, что приходил ко мне за своей военной формой. Окрестные дембеля собирались вечером отметить у кого-то на дому Новый год повторно и договорились быть в парадках и с медалями.

– Владик дурак! – осклабился «морской волк» Юрик Офицеров.

– Владик наш друг, – не согласился я, – Владик хороший.

– А я и не сказал, что он плохой, – возразил Юрик, я только сказал, что он дурак. Дураки что – все плохие, что ли? Как раз дураки-то все и хорошие. Это только умные плохие, потому что до всяких преступлений додумываются, а дуракам додуматься слабо, потому они и хорошие. Вон Иван-дурак в сказке – он тоже хороший.

– Иван-дурак в конце самый умный и оказывается. Отсюда какой вывод?

– Что Владик – самый умный из всех дураков!

– Тогда ты, Юрик, самый дурной из всех умников!

И мы стали смеяться, пока Юрик не замерз и не принялся икать. Тогда я дал ему полотенце и велел срочно одеваться. Маска не течет, все отлично. Пора теперь испытать мои новые лыжи.

Мы забежали за «Котом в сапогах» Славиком, который домяукался накануне до фотоаппарата «ФЭД» и учился теперь им щелкать, и втроем помчались в Корчи, на крутые горки, ещё свободные от продолжающих праздновать Новый год студентов, еще не перечёркнутые вдоль и поперек чужими, беспорядочными лыжными следами.

Сколько же приключений включает каждый день, каждый час детства! И что ни горка, что ни спуск – это каждый раз снова и снова отдельное приключение. Когда мы обкатали все самые крутые склоны Корчей, мы решили напоследок перебраться еще на полтора километра дальше, в Орехов лог, на глиняную кручу, ибо только там можно было установить однозначно, кто из нас троих самый храбрый. Бежать нужно было полями, то летя наперегонки с ветром по хрусткому, отполированному метелями ледяному насту, то прыгая на твердых, наметенных зимними бурями волнистых барханах, то пробиваясь сквозь рыхлые сугробы, отнимающие силы. Поначалу Юрик со Славиком отчаянно спорили о том, кто из них занеет первым на высокой глиняной круче, но потом мы подустали и пошагали медленней и молча. Чтобы скоротать путь и время, я предложил погадать, где кто будет жить, когда мы станем взрослыми. Нужно было назвать страну, или город, или континент, и чье название длинней, тот и победил, тому там и жить придется. Дурацкая игра, придуманная на ходу, но дети, даже когда они уже большие, любят играть во что попало, что ни предложи. Начали с буквы «А», и Славик сразу сказал «Анапа», а Юрик сказал «Афганистан», а я сказал «Антарктида». Стали считать буквы, и у нас с Юриком оказалось их одинаково, по десять. Славик, как выбывший игрок, автоматически ставший в результате независимым арбитром, присудил победу Юрику, как первому назвавшему длинное слово.

Зачем, зачем, ну зачем мы играли в эту идиотскую игру? И почему я не назвал свою «Антарктиду» первым? Был бы я сейчас знаменитым полярником, доктором океанографических наук. А еще мог бы произнести и «Азербайджан», например, с одиннадцатью буквами в слове, и тогда победа в конкурсе была бы моя: выучился бы на нефтяника и стал бы богатым человеком, ворочал

сегодня миллиардами... Но нет, все выпало иначе. Победил Юрик. И двадцать лет спустя майор Офицеров, попав со своей ротой в засаду в узком Панджшерском ущелье северного Афганистана, останется в прикритии и будет отстреливаться, пока не кончатся патроны. Последнее, что слышали прорвавшиеся в «зеленку» солдаты его роты, был взрыв гранаты... До сих пор я надеюсь, что это был другой Офицеров, посмертно награжденный золотой звездой Героя, что это был не наш Юрик. И я до сих пор не решаюсь искать по белу свету нашего Юрика Офицера, чтобы не спугнуть эту надежду. Но все это относится уже к другой, будущей взрослой жизни, которая уйдёт далеко за грань кокинского коммунизма, а тогда, в те минуты мы продолжали торопиться в Орехов лог, чтобы померяться мужеством. Однако, до Орехова лога мы не дошли и струсили все трое разом в тот миг, когда кто-то из нас обернулся и увидел черное небо у нас за спиной и десять тысяч разъяренных снежных тигров, которые мчались на нас kloкочущей тучей, воющим вихрем, уже проглотившим полмира позади нас, включая спасительную лесополосу, ведущую в Кокино. Она, дорога жизни, исчезла во мгле, надвигающейся на нас с востока.

– Эй-эй-эй, поворачиваем, срочно! – закричал Юрик, – надо до лесополосы добраться, а то заплутаем в этой каше...

А мутная, свирепая, ледяная туча уже навалилась на нас и всю кипела и визжала вокруг нас, и забивала нам рты снегом, и слепила, и секла по лицам. Уже через несколько минут наших собственных лыжных следов стало не видеть, и лишь небольшая подсветка меркнувшего дня с запада да направление ветра позволяли держать курс в сторону лесополосы. Командование стихийно взял на себя Юрик. Он приказал мне идти прямо на темноту, Славика поставил за мной, а сам шел позади и следил, чтобы мы все трое находились на прямой линии. «В пургу легко начать ходить кругами, и тогда капец!» – прокричал он нам. Я шел, наваливаясь на бурю всем телом и время от времени падая от внезапно ослабевающих порывов ветра на колени и зарываясь в снег. Мне становилось все страшней. Я постоянно оглядывался, чтобы убедиться, что я не один, и видел Славика, почти наступающего мне на лыжи, а за ним, уже не очень ясно – Юрика, что-то кричащего то ли мне, то ли Славику. Один раз я остановился и подождал, чтобы все собрались, и Юрик стал кричать: «Иди, иди вперед, пока не стемнело совсем, а то я уже почти не вижу вас. Лучше бы с

нами еще один был, а то по двум вашим точкам прямую линию в сугробах хрен удержишь. Давай, пошли-пошли-пошли...». И мы снова побежали вперед. А лесополосы все не было. И уже не было больше светового ориентира на западе: все погрузилось в равномерную темень. Только ветер помогал нам еще держать направление, но он постоянно дурил, ударяя то слева, то справа, то снова задывая слева и надолго. Юрик крикнул, чтобы мы считали шаги, и что тысячи шагов должно хватить до лесополосы. Мы досчитали уже до тысячи пятисот, а лесополосы все не было. «Что, кругами пошли?» – спросил я Юрика. Славик смотрел на Юрика с мольбой в глазах. Почему-то, стихийно, на уровне психики мы оба со Славиком, не сговариваясь, признали Юрика за нашего командира. Он взял на себя ответственность за нас троих, и мы все это почувствовали. «Не должны бы, – сказал Юрик, – против ветра же идем все время. Так, вихляемся немножко. Еще пятьсот шагов – и дойдем. Пошли все рядом.

Мы пошли рядом и вдруг Славик схватил меня за руку: «Волки!»

– Где? – обомлел я.

– Там... воют...

Мы прижались друг к другу, выставили в разные стороны лыжные палки и стали напряженно вслушиваться. Волки и вправду выли, то тоненько, то густо, и было их много, но видать их не было, они прятались где-то в снежных вихрях пурги.

– Это пурга воет, – решительно объяснил нам Юрик, – волки выть сейчас не станут, они воют только на луну, и то в хорошую погоду... Пошли дальше.

Но Славик не двинулся с места. Он натянул шапку на глаза и замотал головой. Мы поняли: он плачет под шапкой. Он испугался волков, которые и на самом деле активно промышляли все последние зимы в наших местах. У Славика сдали нервы и кончились силы.

– Славик! – толкнул его Юрик Офицеров, – а ты вспомни, какой ты гол забил дементеевским этим летом. Когда Ёра пузом в грязь упал, в котором гусиное говно плавало, а Колька Суетин потом клялся, что это Ёра сам гусиным дерьмом обосрался, потому что яблок объелся! Вспомнил? Я дак в жизни так не смеялся, как тогда... Славик!

И Славик поднял шапку на лоб и стал смеяться.

– Вперед, офицеры! – закричал нам Юрик и скомандовал: «Запе-вай!» После чего заголосил всем ветрам назло: «Из-за острада на стеееержень, на прастооор седой валныыы, выплывааают расписныыйя Стеньки Раааазина чалны!» Мы подхватили и стали орать песню все вместе. Сразу стало веселей: понятно ведь, что под такую лихую песню никакие волки не нападут на человека – побоятся. Мы повторяли, правда, только эти две строчки знаменитой песни, потому что оказалось, что никто продолжения ее не помнит, но и этого было вполне достаточно для волков: они так и не появились. На двадцатое или тридцатое повторение куплета мы уперлись, наконец, в лесополосу и закричали дружно: «Ур-раааа!» Мы были спасены. Нам оставалось теперь повернуть направо и вдоль полосы идти до кокинского парка, в который эта лесополоса упиралась.

Уже темнело к ночи, когда черная тень метнулась перед нами в глубь лесополосы.

– Вот теперь это волк! – предупредил нас Юрик, который шел впереди, – но он всего один, сразу на троих на нас не нападет. Выставляем палки и идем медленно. Если кинется – тычем ему все разом прямо в глаза. Главное – смелость! Человек сильнее природы! Смерть серому разбойнику!

С этими храбрыми словами, стуча зубами от страха, выставив лыжные палки в сторону густой ели, под которой спрятался волк, мы двинулись вперед. Мы почти уже поровнялись с заснеженной елью, когда «серый разбойник» внезапно выскочил из засады прямо перед нами и стал отчаянно ругаться:

– Нет, ну же придурки, ну же засранцы, честное слово! Весь техникум на ноги подняли! Сейчас лыжники пойдут цепью искать вас в чистом поле. А они – вот они, пожалуйста: катаются, чтоб вас приподняло, да шлепнуло!.. А я из-за вас дембельскую встречу пропускаю! Эля Яковлевна в ножки упала: «Найди их, Владичек, родненький, спаси их, ты один можешь их найти, ты один знаешь, на каких горках они катаются!» Конечно, знаю! Они катаются, понимаешь, а у меня мероприятие – коту под хвост! Это справедливо? «Ладно, – говорю, – найду я придурков ваших. Только при одном условии: чтобы вы всем троим лупку задали! Чтоб у них задницы редисками горели! Понятно?»...

Вот такой это оказался страшный серый волк: у страха, что называется, глаза велики! А «волк», отругавшись от всей души, повернулся и что есть духу зашлёпал на своих раздрызганных дровоступах в сторону Кокино – сообщать

нашим родителям, что он нас отыскал в пурге, а после – на дембельскую встречу.

Мы были уже в парке, когда Юрик Офицеров начал вдруг хохотать.

– Ты чего? – спросил я его, – предстоящей лупке радуешься?

– Нет, – помотал он головой, складываясь от смеха пополам, – я только сейчас понял: Владик-то сам нас за волков принял, а то зачем бы он от нас за ёлку спрятался. Ну-ка перетрясь: три волка на него бегут! Оттого и ругался так... дембель хренов.

И тогда, держась за животики, покатались в сугроб и мы со Славиком.

– С Новым годом, дорогие товарищи волки! – не унимался Юрик, загоняя нас все дальше и дальше за грань счастливой истерики.

Да, так вот счастливо заканчивался первый день нашей жизни в новом, 1965-м году.

Глава из книги Игоря Шенфельда "Пик коммунизма" (Москва, 2024).